

21/11

39 сов. ие-во. - Ленинград - 1990. 31 суб. (сб)

В Амстердаме и Сан-Диего

С 9 августа по 1 ноября прошлого года я принимал участие в двух постановках оперы М. Мусоргского «Борис Годунов». В Амстердаме я спел 10 спектаклей в партии Пимена (в персональной авторской редакции) и в Сан-Диего (Калифорния) — 5 спектаклей в партии Бориса (в редакции Римского-Корсакова).

В Амстердаме постановку оперы осуществил знаменитый немецкий режиссер Гарри Купфер. Его «прочтение» трагедии Пушкина и гениальной музыки Мусоргского очень спорно как по сценографии, так и по самой концепции спектакля. В его представлении все чересчур графично и усугублено, причём это понятие — усугубленности и некоей «сэрхурзозости» создается скорее к шекспировскому осмыслению всех проблем, происходящих в трагедии. Несомненно, что эта работа режиссера воспринимается как «вызов созвездия», вместе с тем детализация образов порой слишком «перегибает» все границы допустимого ради, как я сказал выше, излишней суровости в подаче героев.

Весьма нелепо выглядит Пимен на двух (!) костылях. У Пушкина: «Подай костыль, Григорий...», т. е. подай посох. А у Купфера столетний старец, добывающий вместе с Шуйским бедного Бориса, передвигается по сцене на двух современных костылях (белого цвета) и «воюет» в Грановитой палате с Борисом, тыча то в сторону, то вверх, то в направлении царя тем же самым костылем! Так смиренный иннок превратился в некоего злоежущего старикашище, да еще облаченного в костюм, явно напоминающий Кошца Бессмертного. Не знаю, как выглядел я сам из загла (страшущего дублера, естественно, не было), но замысел и решение «Кельи», тоже необычное, в целом мне понравилось. Декорации представляли графически аскетичную, современную по восприятию, коробкообразную келью. Она была как бы огромным рупором, обращенным к залу. И петь в нем (в этом рупоре) было не так-то просто: заглушал собственный голос. Актерски сцена ошалась, как чересчур темпераментное, настоя-

тельное «эколачивание» в сознание Григория легенды о гибели царевича. Сценическое поведение Пимена очень насыщено и в рассказе об Угличе доходило до такого накала, почти иступления, что старик еле-еле произносит следующую фразу: «лет семи...» Все это еще было бы хорошо, но в конце, после удара колоколов, все сводил на нет нелепый, на мой взгляд, уход на двух костылях. На одном из спектаклей одна из этих подпорок внезапно треснула, но, к счастью, уже после ступенек, почти за кельей... А если бы немного раньше?! Впрочем, конечно, всякое может быть. Но в целом, для публики, ощущение спектакля было, видимо, интересным и целостным. В том числе и «целостный образ старца», как писали газеты. Отзывы были очень неплохие.

Одна из газет писала о Пимене — Морозове:
«Образ достоверный и доходя-

щие актерские приемы моего коллеги, которые могли помочь мне самому в работе над этим труднейшим образом. Еще раз я убедился, как полезно бывает посмотреть со стороны на роль, которую, как тебе кажется, ты и сам неплохо знаешь.

Не до конца принял я и нововведение режиссера в сцене галлюцинаций Бориса. После крика царя «Довольно!» Шуйский не уходит, а прячется в палатах и наблюдает за всеми мучениями Бориса. По-моему, это только отвлекает зрителя.

Остальные коллеги из нидерландской оперы очень старались и были вознаграждены за свой труд — петь на русском языке! — горячими аплодисментами зала. Хор пел четко и на очень высоком уровне. Как правило, все западные оперные хоры высокого класса, хотя порой это просто

помогло мне. И Мерил, и Кахидзе (которому я также очень благодарен) верили в меня и поддерживали меня. Я рад, что, кажется, не подвел их.

и обладает выразительностью сосредоточенности и экономии средств».

Спел 5 спектаклей (а они шли через день), я понял, что можно работать и так, можно вынести такое напряжение сил. Труднее другое — познать меру в этой наидраматичнейшей партии, научиться сочетать сиюминутное вдохновение и казык... Удастся ли? Ибо Борис — это совершенно особая партия, несравнимая.

Закончился Год Мусоргского. Для меня он был истинно таким. А впереди у нашей оперы новые планы, и их свершение зависит от всех нас, от нашей энергии, желания, устремленности. В нашем театре работает созвездие певцов высочайшего класса, и это факт, результат простого сравнения. И я хочу пожелать моим товарищам большой творческой удачи, свершения самых заветных планов, интересных гастролей и встреч и, конечно, здоровья и счастья!

А. МОРОЗОВ,
солист оперы

НА СНИМКАХ: А. Морозов — Пимен, [Борис Годунов — Роберт Ллойд], А. Морозов — Борис Годунов [Шуйский — Том Ботт].
рождения, всегда владеет сценой [Фото из архива А. Морозова]

ГАСТРОЛЬНЫЕ МАРШРУТЫ

щий до наивысшего драматизма в первой сцене, а также до внушительного финала, повергающего Бориса в последние смятения души и «добывающего» царя своим духом и сильным характером отшельника...»

Партию Бориса Годунова пел Роберт Ллойд — замечательный актер с приятным и очень выносливым голосом. Его игра очень убедительна, но больше поразила завидная выучка — все репетиции он тоже пел в голос, и так на протяжении двух месяцев. Но для западных певцов — это норма. В целом его Борис оставляет сильное впечатление. Для меня знакомство с его трактовкой оказалось профессионально очень полезно. В ближайшем будущем мне предстояло самому петь эту партию, делать эту роль, и в Амстердаме я как бы запасал мно-

любители, набираемые на постановку из, как бы мы сказали, самодельности.

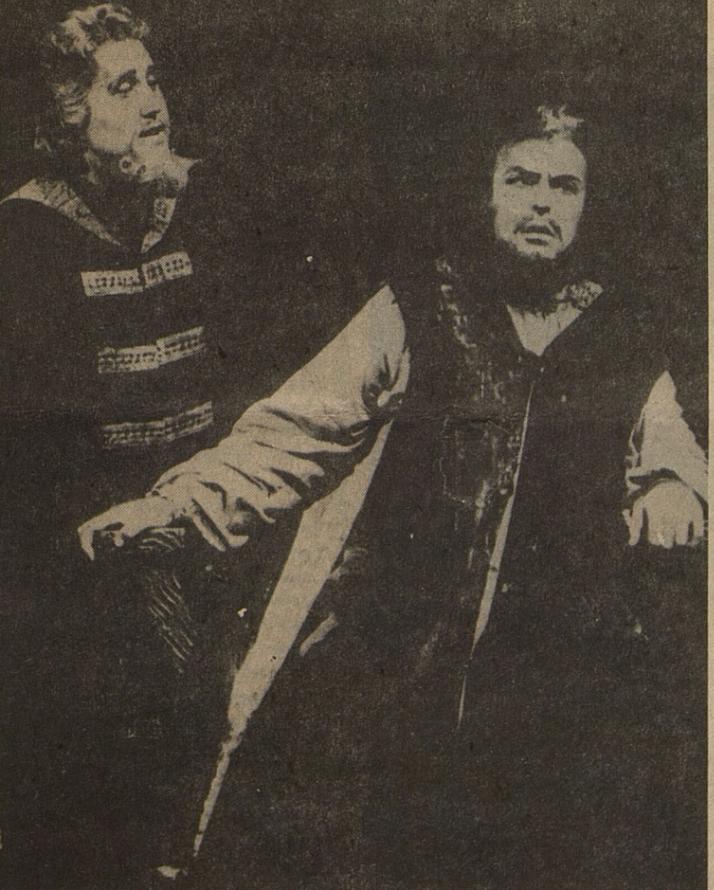
Все 10 спектаклей в Амстердаме прошли на высоком уровне, и трехтысячная аудитория современного оперного театра весьма восторженно принимала нас. Дирижировал спектаклем Хельмут Хеншен. Было отраднo, что гениальная музыка Мусоргского заставляла в который раз стоять аплодировать и засыпать цветами сцену.

Но все-таки эти спектакли были для меня скорее некоторым отвлечением перед главным — спеть самого Бориса и таким образом завершить столь долгий путь к этой сложнейшей партии. Петь оперу на этот раз мне предстояло в редакции Римского-Корсакова. Впрочем, особых принципиальных отличий в редакциях в партии Годунова почти нет, за исключением монолога и некоторых моментов в тереме. Сложность в другом — когда нужно уметь петь только одну, ту, которая на афише данного спектакля.

Итак, не заехав домой, 4 октября спел последнего Пимена, 6 октября я уже начал репетировать Бориса Годунова в Сан-Диего. На этот раз музыкальное руководство осуществлял главный дирижер Тбилисской оперы Джансуг Кахидзе, а режиссером спектакля был Натаниэл Мерил из Метрополитен-опера. Весь репетиционный период длился всего 10 дней. Репетиции были все время, с утра до вечера. Плюс уроки с дирижером, бесконечные уточнения во время перерывов и т. п. Но я был готов работать еще больше, ибо Борис сложнейшая партия, в которой масса трудностей. Преодолевать их мне помогали беседы с режиссером. Мы общались и до репетиций, и в перерывах, и, конечно, на самих репетициях. Творческий контакт был почти постоянным. И общение с этим опытным и очень доброжелательным человеком безусловно

«Лос Анжелес Таймс» писал об Александре Морозове: «Ведущий бас ленинградской оперы, впечатляюще пел главную партию. Его голос богат по структуре и хорошо поставлен, а стиль его игры был превосходен по своей сдержанности и конкретности. Он играл не Бориса-лунатика, а Бориса с глубоко растроженной совестью».

«Высокий, довольно молодой и безусловно одаренный Александр Морозов напоминает таких современных исполнителей, как Иван Петров и Евгений Нестеренко, но он более эмоционален, чем первый, и более психологически ориентирован, чем последний. Он поет с плавными и нежными переходами широкого диапазона, которые, кажется, принадлежат русским по праву рождения, всегда владеет сценой

НОВЫЕ РОЛИ

О. Ченчикова и М. Вазиев в «Теме с вариациями». Фото Ю. ЛАРИОНОВА